

Д. И. Макаров

¹*Уральский федеральный университет*

Екатеринбург, Россия

²*Социологический институт РАН, филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН*

Санкт-Петербург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФЕОДОРА МЕТОХИТА: ОТГОЛОСОК ТРИТЕИЗМА ИЛИ ПРОВОЗВЕСТИЕ БАРОККО?

В гл. 93–98 «Памятных заметок» (1320-е гг.) Феодор Метохит допускает предположение, что основные социально-политические агенты общества – василевс, аристократия и народ – принадлежат к разным природам. Подобное воззрение, мельком высказываемое и Шекспиром в «Гамлете» (1599–1601), в богословском плане означает перенос в политическую философию положений возникшей в VI в. ереси тритеитов, с которой боролись Леонтий Византийский, Отцы Церкви и анонимные полемисты. В конце XIII в. ряд положений этой ереси воскрешает Иоанн XI Векк. Очевидно, Метохит воспроизводит те положения латинофильства, которые еще в последней трети XIII в. были близки трети Иоанну Метохиту, осужденному в 1285 г. вместе с Иоанном Векком и Константином Мелитениотом на Соборе во Влахернах. В плане признания политической роли народа Метохит, конечно, считает энтелехией народа аристократию – сообразно с одним из положений неоплатонизма Феодора II Ласкаря (1254–1258), согласно которому, энтелехия и различие – два принципа, охватывающих все сущее. Рассматриваются отчасти сходные представления о роли народа и аристократии в структуре социума, высказанные в «Чужестранце» неаполитанским мыслителем Джулио Капаччо (1560–1634). Капаччо ближе Метохита подходит к идее народного представительства в органах власти, действующего на системной основе. Однако и он еще близок вышеприведенным положениям средневекового неоплатонизма. Поэтому, в отличие от Е. де Врис-ван дер Вельден, мы считаем, что политические воззрения Метохита надо сравнивать не с Ш. Монтескье, а с представителями ренессансно-раннебарочного мира XIV–XVII вв. С другой стороны, мысль о необходимости поддержания в социуме гармонии, подобной музыкальной, высказывалась еще в конфуцианском трактате «Записи о музыке» в I в. до н. э. Таким образом, эта мысль выходит за рамки индоевропейской цивилизационной общности.

Ключевые слова: Феодор Метохит; Джулио Капаччо; Феодор II Ласкарь; политическая философия; тритеизм; василевс; аристократия; энтелехия

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.» (<https://rscf.ru/project/23-18-00251/>).

Цитирование: *Макаров Д. И.* Политические воззрения Феодора Метохита: отголосок тритеизма или провозвестие барокко? // *Античная древность и средние века*. 2024. Т. 52. С. 324–350. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.019>

Поступила в редакцию: 15.06.2024

Принята к печати: 12.10.2024

Dmitrii I. Makarov

¹*Ural Federal University*
Ekaterinburg, Russia

²*Sociological Institute, Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*
St Petersburg, Russia

**THEODORE METOCHITES' POLITICAL VIEWS:
AN ECHO OF THE TRITHEISM OR A HARBINGER
OF THE BAROQUE?**

In Chapters 93 to 98 of the *Sententious Notes* (1320s), Theodore Metochites put forward an idea that the basic social and political agents in the society, i. e. emperor, aristocracy, and the people, belonged to different natures. Such a consideration, which was also uttered in passing by Shakespeare in *Hamlet* (1599–1601), meant theologically a transposition into the political philosophy of some tenets of the heresy of Tritheism, which was known to have emerged in the sixth century AD and to have become the target of polemics lead by Leontios of Byzantium, some Fathers of the Church, and anonymous polemicists. In the late-thirteenth century, some allegations of this heresy came to be rejuvenated by John XI Bekkos in his messy theological system. Evidently, Metochites reinvigorates those Latinophile statements that already in the last third of the thirteenth century had been close to his father George Metochites, who had been condemned at the Council of Blachernai in 1285 together with John Bekkos and Constantine Meliteniotes. Metochites was certain to recognize aristocracy as the entelechy of the people and its political role, in compliance with a tenet of Theodore II Laskaris' (1254–1258) Neoplatonism, to wit, that entelechy and difference are the two principles which govern all the beings. This article also considers some partly similar ideas about the role of the people and of the aristocracy in the social structure from the *Foreigner (Forestiero)* by Giulio Capaccio (1560–1634), a baroque thinker from Napoli. Capaccio was closer, than Metochites, to the concept of the people's representation in the authorities, working on a regular basis. But Capaccio was also too close to the aforementioned notions of the

Д. И. Макаров

Mediaeval Neoplatonism. Therefore, we believe, unlike Eva de Vries – van der Velden, that Metochites' political views should be compared not with those of Montesquieu, but with those notions and concepts which were characteristic for the representatives of the Renaissance and Early Baroque world from the fourteenth to seventeenth century. Simultaneously, the idea of maintaining social harmony, which was conceived as similar to the musical one, was proffered as early as in the first century BC in the Confucian treatise *Records of Music*. Consequently, this concept goes beyond the Indo-European civilizational community.

Keywords: Theodore Metochites; Giulio Capaccio; Theodore II Laskaris; political philosophy; Tritheism; emperor; aristocracy; entelechy

Acknowledgements

This study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00251 *The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and the Theological and Metaphysical Origins of the Religious and Political Discourse from the Second Half of the Eleventh to the Fifteenth Century* (<https://rscf.ru/project/23-18-00251>).

For citation: Makarov, D. I. (2024). Politicheskie vozzreniia Feodora Metohita: otgolosok triteizma ili provozvestie barokko? [Theodore Metochites' Political Views: An Echo of the Tritheism or a Harbinger of the Baroque?]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 324–350. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.019>

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 12.10.2024

Введение

Проблемы восприятия власти (и прежде всего императорской) византийцами вообще¹, а также специфика историко-политических воззрений великого логофета Феодора Метохита (ок. 1270–1332) в частности находятся в центре многолетних плодотворных дискуссий византинистов². Так, уже Константин Великий (306–337) «решил привлечь на свою сторону многочисленную и действительную силу греческих интеллектуалов»³ и потому – в том числе и потому! – до самого конца империи удаивался от них возвышенных панегириков, например, от Метохита:

¹ Сошлемся лишь на: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 109–132.

² В отличие от Е. де Врис-ван дер Вельден, мы не видим ничего плохого в том, что Метохит объяснял политику чисто философскими рассуждениями (*De Vries-van der Velden E. Théodore Métochite. Une réévaluation*. Amsterdam, 1987. P. 199). Так поступали уже Платон с Аристотелем.

³ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть... С. 111.

«И откуда сам он получил власть (τὸ κράτος), туда власть и передавал; и, будучи возвышаемым, прежде всего стремился возвысить все Подающую Причину; украшаемый, украшал [Церковь] в ответ; и уделяя этому [делу] все свое [имущество] и себя самого без остатка; всем людям уделяя всяческое причастие (μετοubiά) благам, благородно приемля и щедро уделяя [им] блага [, передаваемые ему] в виде великих даров (ταῖς... δωρεαῖς) Божественного Промысла, [будучи] достойным такового дела – дерзновения (τῆς παρρησίας) в отношении Божественного учения, славы у всех людей и власти [над ними]; того-то ради, как представляется, наш великий властелин (ἡγεμόν), несокрушимый и неутомимый, и был вознесен этим Промыслом перед всеми людьми»⁴.

Е. де Врис-ван дер Вельден права, отмечая, что воззрения Феодора близки монахам-хронистам, для которых (как и для великого логофета) византийская история – продолжение римской, а не древнегреческой⁵. Поэтому для Метохита деяния василевсов – так же, как и для хронистов – подлежат моральной оценке. В качестве подтверждения этой мысли сошлемся на нравоучительный вывод «Неизвестного писателя о Льве Армянине» (IX в.), типичного хрониста⁶, о духовном облике Никифора I (802–811): «Был же он... мелочным и сребролюбцем сверх [всякой] меры, за что и унаследовал вечную погибель (ср.: Пс. 72: 12–20; Еккл. 5: 9–19; 1 Тим. 6: 10)»⁷.

⁴ Theodori Metochitae Miscellanea, 92 // Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica Graece / ed. M. Ch. G. Müller; editio auctoris morte praeventa, cui praefatus est M. Th. Kiessling. Lipsiae, 1821. P. 590.20–591.6. Далее ссылки на это издание даются в тексте работы с указанием номеров страниц и строк, а также с сокращенным обозначением фамилий издателей: М. – К. Используется сокращение ПЗ («Памятные заметки»). Новейшую краткую характеристику ПЗ как нарратива см.: *Polemis I. D. Theodore Metochites. Patterns of Self-Representation in Fourteenth-Century Byzantium*. London ; New York, 2024. P. 163. Полезный обзор более ранних (до XXI в.) изданий текстов Метохита с упоминанием содержащих их рукописей см. также: *Hinterberger M. Studien zu Theodoros Metochites. Gedicht I – Des Meeres und des Lebens Wellen – Die Angst vor dem Neid – Die autobiographischen Texte – Sprache* // JÖB. 2001. Bd. 51. S. 285–319, S. 285–287.

⁵ *De Vries-van der Velden E. Théodore Métochite*. P. 199–200.

⁶ Ср. итоговое увещание: «Мы же, братья, будем помнить о прежде бывших братьях и отцах наших...» (*Grégoire H. Un nouveau fragment du "Scriptor incertus de Leone Armenio"* // Byz. 1936. Vol. 11. P. 425.31–426.5).

⁷ *Grégoire H. Un nouveau fragment...* P. 425.26–31.

Ясно, что для хрониста – как и для Метохита, во многом опиравшегося на Плутарха⁸ и на развитый последний метод бинарных оппозиций между истинными и дурными героями, – такого рода правитель выступает антиподом архетипической фигуры св. Константина как сакрально-политического образца, носителя по преимуществу идеи имперскости. В этом плане можно говорить не только о размывании, но и – прежде всего – о преломлении в текстах Метохита констант византийского имперского сознания, хотя, безусловно, уже и не в чистом виде. О степени этого преломления далее и пойдет речь.

С одной стороны, может показаться, что все описываемое Метохитом традиционно; иначе говоря, традиционна, по крайней мере, топка, но не подход к ней (о чем в свое время писал Л. М. Баткин). Подобно византийскому медику Павлу Эгинскому (ок. 625 – ок. 690), Феодор мог бы сказать: «я составил этот свод на основании [трудов] древних [авторов] (*compendium hoc ex veteribus collegi*)»⁹.

С другой же стороны, если понимать историю вслед за великим лингвистом и философом Эженом Косериу (1921–2002) как науку об индивидууме, об индивидуальности¹⁰, то Метохит, давший описание своего сознания в ПЗ, «Слове о нравственных проблемах, или Об образованности»¹¹ и других текстах, – выдающийся историк. Историк культуры и собственного сознания, которое с примечательной полнотой отразило всю ту бурную и выделяющуюся прежде всего своей переходностью эпоху европейского Предвозрождения, Возрождения, маньеризма и раннего барокко, которая приходится в Западной, Центральной и Северной Европе на XIV–XVII вв. В дальнейшем, проводя параллели и отмечая переклички между Феодором Метохитом, с одной стороны, и императором Никейской империи Феодором II Ласкарем

⁸ *Xenophontos S.* The Byzantine Plutarch: Self-identity and Model in Theodore Metochites' Essay 71 of the *Semeioseis gnomikai* // The Afterlife of Plutarch / ed. J. North, P. Mack. London, 2018. P. 23–39.

⁹ Pauli Aeginetae In suum de re medica opus Praefatio // Pauli Aeginetae Medici Opera / ed. I. Guinterij. Lugduni, MDLXVII [1567]. P. 2.

¹⁰ *Munteanu C.* On the Real Object of Linguistics // *Energeia*. 2013–2014. Vol. 5. P. 52.

¹¹ Далее – ОО. См. русский перевод: Феодор Метохит. Слово о нравственных проблемах, или Об образованности / пер. со среднегреч. и вступ. ст. Д. И. Макарова ; коммент. Я. Полемиса, Д. И. Макарова. СПб., 2020.

(1254–1258), Георгием Мосхамбаром, Шекспиром и выдающимся неаполитанским историком и мыслителем Джулио Чезаре Капаччо (1560–1634) – с другой, мы также попытаемся обосновать мысль о некоем единстве этой эпохи, предшествовавшей (если говорить о политической мысли) зарождению Просвещения, появлению Декларации прав человека и гражданина и становлению современного либерализма.

Приведем характерный пример близости Метохита авторам сентенций и рассуждений итальянского барокко. Говоря о невозможности в этой жизни покинуть «это трагическое сожительство» (τῆς δυστυχῶς ταύτης συζυγίας) души и тела (ПЗ 90: р. 582.17–20 М. – К.), великий логофет развивает свою мысль следующим образом: «впрочем, если бы кто мог так или иначе – хотя бы в течение краткого времени – прожить вне (ἔξω) этой связки [души и тела], то, пусть бы он и вправду умер по телу, подобно Аристею из мифов, но зато усовершенствовав (κατὰ τὸν ἐν μύθοις Ἀριστεῖαν ἀριστεύων ὄντως αὐτὸς) [себя] и став *победителем природы*¹², – лучше было бы, если бы он смог жить именно так» (ПЗ 90: р. 582.[20–25] М. – К.). Живущие же с телом, т. е. в теле, «не испытали наилучшего» (ПЗ 90: р. 583.7).

Вопреки всякой христианской аскетике, да и здравому смыслу, в данной главе Метохит понимает извечный призыв философов к самопреодолению не как одухотворение тела душой и превосхождение самого себя (Plat. Prot. 358c), а совершенно по-антипаламитски¹³ и по-неоплатонически – как отказ от тела.

Впрочем, выраженное Метохитом ощущение – маньеристское и раннебарочное, принадлежащее отнюдь не только ему самому и Димитрию Кидонису. Сравним последнюю терцину в сонете № IX «Шелкопряд» неаполитанского поэта-мариниста XVII в. отца-иезуита Джакомо Любрано (1619–1693):

¹² Здесь и далее курсив в цитатах наш, если не оговорено иначе.

¹³ В близких выражениях рассуждает о возможности суицида и Димитрий Кидонис: «А освобождение от плоти есть восхождение к жизни и к действительному, есть постижение священной истины. И разве не достигнем мы лучшего, отделившись от тела, которое отягощает душу и не позволяет ей [стремиться] в мир преднебесный?» (Димитрий Кидонис. Слово о пренебрежении к смерти, 17 / пер. со среднегреч. М. А. Поляковской // Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1998. С. 308).

Д. И. Макаров

Засим свою я смертность постигаю
от кладбища вдали – ведь в нашем теле
прах смертный жив, червем нас разъедая¹⁴.

Сегодня, когда «происходит процесс напряженных поисков новой антропологии, нового образа человека», когда «европейский разум расстался с идеей человека как такового, с идеей общечеловеческого, универсально-человеческого»¹⁵ (что противно не только Библии и античной философии, но, на наш взгляд, и здравому смыслу), антрополого-этические и политические размышления византийского мыслителя XIV в., посвященные каналам взаимодействия (или, в терминологии С. С. Хоружего, интерфейсу) антропологического и социально-политического начал, не могут не вызывать самый пристальный интерес. И это невзирая на всю их спорность, а в чем-то – и благодаря ей.

Итак, речь в настоящей статье пойдет о нескольких проблемных местах в тексте «Памятных заметок» Феодора Метохита, в которых дают о себе знать более новые и неортодоксальные, с точки зрения православной церкви, идеи, опирающиеся преимущественно на проторенессансные и ренессансные версии неоплатонизма и обнаруживающие переключки с вышеупомянутыми поствизантийскими авторами. Все эти идеи касаются проблем целостности социума и его структуры, включающей в себя прежде всего василевса (помазанника Божия), аристократию и народ. Эти соображения придают чертам политической теории Метохита изрядную долю самобытности (пусть и не переходящей в уникальность).

Василевс и «величайшие мужи» в гл. 93 «Памятных заметок»: отголосок тритеизма?

Вчитаемся в следующее высказывание из главы 93 ПЗ Метохита, озаглавленной: «Заметка о том, что все, связанное

¹⁴ Пер. наш по: Lubrano Giacomo. IX. Il Baco da seta // *Lirici marinisti. Poesie. Edizione ampliata e aggiornata* / a cura di T. Castelli. Napoli, 2024. URL: [https://www.academia.edu/106227279/Tommaso_Castelli_Lirici_marinisti_Ampliata_e_aggiornata_2024_\(date_of_access:_12.01.2024\)](https://www.academia.edu/106227279/Tommaso_Castelli_Lirici_marinisti_Ampliata_e_aggiornata_2024_(date_of_access:_12.01.2024)).

¹⁵ *Хоружий С. С. Визуальный опыт в его отношении к исихастской практике // Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции. Т. 2 : Многогранный мир исихазма. СПб., 2012. С. 126, 127.*

с эллинами, для нашей памяти и нашего разумения является величайшим и достойным хотя бы краткого [запечатления] в слове» (ПЗ 93: р. 591 М. – К.): «Да и можно ли не изумиться и не помыслить о приятном, наблюдая всякий раз, как кто-либо, усердствуя наподобие риторов, восхваляет или призывает к деяниям кесарей Августа или Траяна, или нашего великого Константина, или Феодосия (1), или кого-либо еще [из числа] *мужей величайших* и подобных [вышеперечисленным] или уступающих [им] лишь самую малость, *но все же ближайших [к ним] по природе* (ἔγγιστα δ' ὁμῶς τῆ φύσει) (2), хотя и не по судьбе – и [не столь] знаменитых?» (ПЗ 93: р. 594.[3–12] М. – К.)¹⁶.

Весь этот пассаж вызывает ряд вопросов, прежде всего историко-религиозного и богословско-догматического характера. По поводу фрагмента (1) необходимо отметить, что список из четырех императоров включает в себя – в равной пропорции – двух язычников и двух христианских святых; при этом гонитель Траян (хотя, по преданию, и прощенный Богом по молитвам св. Григория Великого¹⁷) прославляется так же, как «наш» Константин и Феодосий. Итак, Траян – «не наш», но это и не играет особой роли: *римскость и имперскость* для Метохита важнее христианской идеи святости (иначе говоря, Рим как центр политический, как центр власти важнее образа-парадигмы Святого Рима, места упокоения Верховных первоапостолов и т. п.). В приведенном выше описании *Pax Romana* еще как бы не стала частью *Pax Christiana*, не преобразилась в нее.

Фрагмент (2) наводит на подозрения о том, что Метохит подспудно верил в наличие среди представителей человечес-

¹⁶ Ἡ πῶς γὰρ οὐκ ἂν ἐπισημήναίτο τις καὶ λογίσαίτο χάριεν ἐπισκεπτόμενος, ὁπότε τις κατὰ ῥήτορας ἐπιμελούμενος ἐπαινῶν ἢ προτρέπομενος εἰς πράξεις Αὐγουστοῦν ἢ Τραϊανὸν τοὺς Καίσαρας, ἢ Κωνσταντῖνον καθ' ἡμᾶς τὸν μέγαν, ἢ Θεοδοσίον, ἢ ἄλλους οὐστυνασοῦν τῶν μεγίστων τε καὶ παραπλησίων, ἢ καὶ παραβραχὺ δευτέρων, ἔγγιστα δ' ὁμῶς τῆ φύσει, κἂν εἰ μὴ τῆ τύχῃ καὶ περιφανῶν ἀνδρῶν;

¹⁷ Nicephori Blemmydae Statua regis, IV, 61–62 // Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδριάς und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes. Ein weiterer Beitrag zum Verständnis der byzantinischen Schrift-Koine / hrsg. H. Hunger, I. Ševčenko. Wien, 1986. S. 62. Рус. пер. см.: Никифор Влеммид. Царская статуя / пер. со среднегреч. Л. С. Ряшко под ред. Х.-Ф. Байера // ВВ. 2003. Т. 62(87). С. 289. Этот источник мог быть известен Метохиту.

кого рода нескольких различных и даже, по всей видимости, конкурирующих между собой природ, одни из которых ближе к «высшей», «идеальной» природе (каковая воплощена в лице вышеперечисленных императоров), другие – отстоят дальше от нее. Эта *лестница природ* (понимание которой Метохитом реконструируется по данному фрагменту) заставляет полагать, что Феодор – повторяю, подспудно – верил в философско-богословское учение о *частных природах* (которое в триадологии неизбежно дает *тритеизм*), т. е. в ту доктрину, с которой византийская церковь Константинопольского патриархата ожесточенно сражалась с середины VI в., и особенно ожесточенной эта борьба вновь стала в конце XIII в.

В самом деле, если перефразировать то вопрошание, которое Леонтий Византийский (VI в.) обращает к евтихианам (наиболее радикальным монофизитам) относительно плоти Христа и отнесения его к человеческой личности, или индивидууму, то у нас получится мысленно реализуемая Метохитом альтернатива: «Чем она обладает – природой или сущностью? *А может быть, частью природы?*» (ἔχει φύσιν, ἢ οὐσίαν, ἢ μέρος γε φύσεως;) ¹⁸

Если личность обладает *частью природы*, то это означает, что она располагает *частной природой*, которая в силу самой своей частности *отлична* от иных ипостасей и содержащихся в них природ. (Можно полагать, что в сознании Метохита общая природа человечества подспудно подразделялась на ряд таких частных природ, которые в сумме – совпадающей с суммой индивидов – и давали ее же, т. е. эту общую природу.) И эти природы, бытийствующие в разных индивидах, окажутся *различными*, т. е. не синонимичными, а всего лишь *омонимичными* друг другу, поскольку «те, кто в точности рассмотрел [данную проблему], говорят, *что тождественное не может предсцироваться омонимично*» (οὐ φασὶ ταυτὸν ὁμώνυμον

¹⁸ Leontius Byzantinus. Contra Nestorianos et Eutychianos I, 1 // Leontius of Byzantium. Complete Works / ed. and trans., with an introd. B. E. Daley. Oxford, 2017. P. 130.22. См. обсуждение этой цитаты в: Макаров Д. И. От мариологии до тритеизма: о возможных поздневизантийских параллелях к идеям Леонтия Византийского и Иоанна Филопона (Феофан Никейский, Иоанн XI Век, Георгий Мосхамбар). Часть вторая // Библия и христианская древность. 2019. № 4(4). С. 90–91.

κατηγορεῖσθαι)¹⁹. Соответственно, омонимичное и не тождественно (в силу обратимости процитированной пропозиции).

Этот богословско-философский аппарат мог достаточно четко согласовываться в сознании Метохита с его логикой второго человека в империи, высокопоставленного политика и крупного собственника, который смотрел на аристократию как на общественный слой, располагающийся *над народом*.

Назовем далее имя Георгия Мосхамбара, чьи «Антирретики против учений и писаний Векка» (ок. 1281)²⁰ на самом деле направлены против идей всех трех лиц, осужденных на Влахернском соборе 1285 г., включая Константина Мелитениота и отца Феодора – Георгия Метохита. Мы попытались показать, что одна из главных мишеней Мосхамбара в «Антирретиках» – программный труд Иоанна XI Векка, патриархалатинофила (1275–1282), «Об унии между Церквами Старого и Нового Рима»²¹. Так, Георгий утверждает, что латинофилы вводят *трех пространственно описуемых и локализуемых Богов*, обнажая тем самым свою тягу к тритеизму²². Точно так же поступает Метохит, но уже на уровне антропологии, как бы партикуляризируя и замыкая ипостась (или, по крайней мере, классы ипостасей: василевсов, «лучших людей» из знати и,

¹⁹ Рассуждение из анонимного ранневизантийского трактата VI в., практически современного Леонтию, против тритеитов: *Van Deum P. Une collection inconnue de questions et réponses traitant du trithéisme: étude et édition // JÖB. 2001. Bd. 51. S. 109.10–11.*

²⁰ *Laurent V. Un polémiste grec de la fin du XIIIe siècle. La vie et les oeuvres de George Moschabar // EO. 1929. Vol. 28/2. P. 133.* См. о нем: Μονιού Δ. Ι. Γεώργιος Μοσχάμπαρα. Ένας ανθενωτικός θεολόγος της πρώτης παλαιολογείας περιόδου. Βίος και έργο. Αθήνα, 2011; *Макаров Д. И.* Паламизм до святителя Григория Паламы, спор о Филиокве и примат папы в византийской экклесиологии XII–XIV вв.: некоторые наблюдения / отв. ред. Д. С. Бирюков. Екатеринбург, 2017. С. 13–14; *Макаров Д. И.* От мариологии до тритеизма... Часть вторая. С. 77–102.

²¹ *Joannis Vecci CP. Patriarchae De unione Ecclesiarum veteris et novae Romae... // PG. 141. Parisiis, 1863. Col. 15A–158A; Макаров Д. И.* От мариологии до тритеизма: о возможных поздневизантийских параллелях к идеям Леонтия Византийского и Иоанна Филопона (Феофан Никейский, Иоанн XI Векк, Георгий Мосхамбар). Часть первая // Библия и христианская древность. 2019. № 3(3). С. 145, 157 и сл.; *Макаров Д. И.* От мариологии до тритеизма... Часть вторая. С. 92 и сл.

²² Μονιού Δ. Ι. Γεώργιος Μοσχάμπαρα. Σ. 291.9–12; ср.: Σ. 294.85–86.

видимо, народ). Скажем, пониманию Св. Духа как «воипостасной Сущности» (οὐσία... ἐνυπόστατος) у Векка²³ соответствует понимание василевса или представителя знати (типа того же Никифора Хумна, Феодора Музалона, Григория Кипрского или Никифора Григоры) как своего рода «воплощенной природы» у Метохита²⁴. Можно привести и такую цитату из «Антирретиков» Георгия: «Сей же [инакомыслящий], слыша о том, что Дух – от сущности Сына, не только полагает сущность Сына причиной [бытия] Всесвятого Духа, но и учит о том, что *сущность Сына – частная*, совершенно ни во что не ставя определения Святых [Вселенских] Соборов, которые подвергают анафеме тех, кто учит о *трех частных сущностях* и при этом – одну общую и всеохватную [сущность] Святой Троицы, и называют таковых тритеитами и учениками Ария»²⁵.

И в самом деле, частных сущностей (со строго православной позиции, от которой Метохит в данном вопросе отклонился достаточно далеко) нет и не может быть, о чем и напоминает автор анонимного антирретицкого трактата VI в.: «[Понятие] “сущность” обозначает нечто общее, а [реалии] общего порядка не привносят сложность [в единичное]» (τὰ δὲ κοινὰ οὐ συντίθεται)²⁶.

Это значит, что для таких общих реалий, как сущность (или природа, что то же самое), у нас необходимо должен быть – от Бога – и *общий предикат*; ведь, как отмечает Д. Перлер, «если бы я не располагал общим предикатом, то не мог бы указать для единичного акта восприятия никакой определенной вид объекта. Отсюда следует, что я не мог бы схватывать

²³ Joannis Vecchi CP. Patriarchae De unione Ecclesiarum veteris et novae Romae... Col. 64C; Макаров Д. И. От мариологии до тритеизма... Часть первая. С. 158.

²⁴ Много писалось о ведущей роли φύσις в концептуальной системе Метохита, представленной в «Памятных заметках»; см. особенно: Cresci L. R. Note critiche sul saggio 67 degli Ὑπομνηματισμοί di Teodoro Metochita // Orpheus. Rivista di umanità classica e cristiana. 1997. Т. 18, Fasc. 2. P. 425; Макаров Д. И. Элементы теории коммуникации в «Памятных заметках» Феодора Метохита (гл. 1–26; 71) // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 264–265.

²⁵ Μονιῶ Δ. Ι. Γεώργιος Μοσχάμπλαρ. Σ. 324.76–82. Полный русский перевод «Антирретиков» Мосхамбара подготавливается нами (с комментариями О. Н. Ноговицина).

²⁶ Van Deun P. Une collection inconnue... P. 110.20; cf.: p. 111.4–5 – ссылка на это предыдущее место.

нечто как *нечто* (курсив автора. – Д. М.). Например, вот эту теплую и мягкую вещь с коричневой шкуркой, которую я вижу и глажу, я не мог бы опознать как именно кошку...»²⁷ И даже более того: я не мог бы опознать Бога как Бога...

Сказанное справедливо и для человеческой природы. Тут-то мы, похоже, и нашли точку пересечения истории латинофильски ориентированного клана Метохитов с философско-богословскими идеями Феодора, пусть явно и не проговариваемыми²⁸. Учение о различных природах – не библейское, но философское, ренессансное. Здесь и можно было бы вспомнить о размывании религиозных основ мировоззрения византийских гуманистов²⁹. Впрочем, это – более «сильное» объяснение высказывания Великого логофета из главы 93 ПЗ.

Более «слабое» объяснение состояло бы в том, что у Метохита просто не развита теория ипостаси и ипостасности: каждый персонально действующий агент для него неизбежно оказывается «природой». Однако в богословской перспективе это также ведет к учению о частных природах.

Как бы то ни было, а параллели к такой трактовке обнаруживаются не где-нибудь, а у Шекспира – в словах Гамлета:

Ничтожному (*baser nature*) опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.
(«Гамлет», акт 5, сцена 2)³⁰

²⁷ Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М., 2016. С. 80.

²⁸ Ср.: Макаров Д. И. О некоторых чертах понимания природы у Феодора Метохита и Альберта Великого: к вопросу об элементах схоластики в византийской мысли // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 37. С. 24–30.

²⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 74–75, 93–94, 113–114; Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 95 (хотя и на примере трактовки образа скифов, но все же Г.-Г. Бек дает тут сильные формулировки, констатируя у Метохита «отчаяние (Resignation) умирающей культуры, поворот в византийском образе мыслей, конец византийского самосознания»), 114 («разрыв с официальным оптимизмом унаследованной [от прошлого] картины мира»), 116 (место, процитированное И. П. Медведевым) и т. д.

³⁰ Пер. с англ. Т. В. Бузиной (Ковалевской). Цит. по: Бузина Т. В. Самообожение в европейской культуре. СПб., 2011. С. 188. Выражение в скобках означает буквально «низшей природе».

Т. В. Бузина справедливо замечает в этой связи, что для Гамлета «Розенкранц и Гильденстерн словно принадлежат к другой, низшей категории существ...»³¹ Точнее говоря – к низшему естеству, не столь аристократичному, образованному и т. п.

Это показывает, что политическая теория у Феодора не просто фундируется (и не риторически, а именно философски), но и «опирается... на определенную метафизическую программу»³². Именно эта программа и подлежит реконструкции и дальнейшему обсуждению.

Спустя почти три столетия после Метохита в европейской культуре вновь актуализируются подобные представления; в них, впрочем, уделяется внимание и мысли об относительно гармоничном сосуществовании народа и знати. И все же достаточно заметное совпадение мотивов позволяет подчеркнуть один из главных тезисов настоящей работы – о едином гуманистически-барочном пространстве идей и идеалов, формировавшемся (и в немалой степени сформировавшемся) в европейской культуре Ренессанса и раннего Нового времени. Так, характерное, по-видимому, для мирозерцания представителей европейской (в частности, неаполитанской) инквизиции рубежа XVIII–XIX вв. представление об *отсутствии единой и общей человеческой природы* (раз уж у «праведников» природа одна, а у еретиков или подозреваемых в ереси иная) реконструировано художественными средствами в повести Леонардо Шаша «Египетская хартия» (1963): «– Как человек – человеку?! – с ужасом вскричал судья. И дрожащей рукой перевернул стоявшие на столе песочные часы – то был сигнал палачу вздергивать в третий раз»³³.

Мы далеки от того, чтобы обвинять Метохита в сопричастности богословию инквизиции. Однако какой-то своей крайней точкой выраженный великим логофетом культурный пессимизм, столь блестяще проанализированный Г.-Г. Беком, может соприкасаться и с подобного рода системами вселенского нигилизма (хотя пессимистическая концепция истории Церкви была

³¹ Бузина Т. В. Самообожение в европейской культуре. С. 188.

³² Перлер Д. Теории интенциональности... С. 123.

³³ Шаша Л. Египетская хартия. Ч. 3. Гл. XII / пер. с ит. Ю. Добровольской // Шаша Л. Винного цвета море. Романы, повести, рассказы / пер. с ит. ; сост. и авт. послесл. Ц. Кин. М., 1982. С. 102.

присуща, заметим, и такому ортодоксальному церковному историку, как Сократ Схоластик, сочетаясь в его труде с оптимистической концепцией развития государства и общества в целом³⁴). И все же византизм как таковой, живая ткань культуры и ее насыщенность смыслами и событиями (теми же театрами, *θέατρα*) служили поздневизантийским интеллектуалам надежным противовесом от подобного рода тупиков духовного и исторического развития.

Народ и аристократия как единство-в-различии: Метохит, неоплатонизм и неаполитанское барокко

Подчеркнув монархизм Феодора Метохита, Е. де Врисван дер Вельден справедливо отмечает, что, согласно мысли великого логофета, если элита не руководит массой народа, государство бесповоротно разрушается³⁵. Действительно, еще Платон указывал, что «толпа ни в коем случае не может владеть никаким искусством» (*Plat. Polit.*, 300e), включая и одно из важнейших – искусство управления собой и себе подобными, но не в силу аполитичности толпы, а потому, что это искусство высшей степени сложности, зависящее от созерцания Единого (вспомним миф о пещере и его преломление в политической философии Метохита)³⁶.

Что же такое, по Феодору, полития, или форма политического устройства? «Ведь и *политию* философия и прославленные в ней мужи рассматривают как *нечто единое* (*ἓν τί ποτε*) и определяют [состоящим] из множества различных звеньев и сообщения [между ними] (*τῆ κοινωνίᾳ*), – однако [как] единое не в силу подобия и тождественности [своих членов, присущей им] полной тождественности звучания и единовидности (*τῷ διὰ πάντων ὁμοφώνῳ τε καὶ ὁμοειδεῖ*) (поскольку ни даже тело, ни [всякое] единое живое существо не состоит из единовидных частей, каждая из которых [обладала бы] по природе одним и тем же

³⁴ *Krivushin I. V. Socrates Scholasticus' Church History: Themes, Ideas, Heroes // BF. 1996. Bd. 23. S. 99–102, 106–107.*

³⁵ *De Vries-van der Velden E. Théodore Métochite. P. 222.*

³⁶ Ср.: *Макаров Д. И.* От созерцания Единого до онтологии политики: учение о единомыслии в «Памятных заметках» Феодора Метохита (гл. 67–72) // *АДСВ. 2023. Т. 51. С. 374–392.*

навыком и способом действия (χρήσεως)); единым же полития является (ἐν γὰρ ὄν) как [нечто] целое и непрерывное, однако сплоченное (ἥρμοσται) благодаря различным частям и сочленениям, удачно сочетающимся по природе друг с другом и с целым, из которых каждая [часть в чем-то] превосходит другую и [в этом отношении] является нужнейшей для целого и более почитаемой, – однако в целом *все они необходимы друг другу*, так что *целое* [каждому из них], пребывающих в соответствии со своим логосом³⁷, а также ограничиваемых степенями и мерами, *придает сущностное бытие и поддерживает* [в единстве между собой и с целым] (οὐσίῳ καὶ συντίησι)» (ПЗ 98: р. 634.16–635.3 М. – К.).

В античной, средневековой и барочной политической мысли основными репрезентантами высшего диалектического (не исключающего противоборства) единства различных категорий населения государства выступают народ как таковой (ὁ δῆμος, *il popolo*)³⁸ и аристократические элиты (οἱ ἄριστοι, οἱ βέλτιστοι). Рассмотрим на паре примеров трактовку темы взаимоотношения народа и аристократии в древнеримской истории в сопоставлении с неаполитанской историей XVII в. в труде выдающегося историка и мыслителя Джулио Чезаре Капаччо (1560–1634) «Чужестранец» (*Forastiero*, 1634), чтобы, отталкиваясь от поднимаемых барочным автором проблем, вернуться в глубь веков – к Феодору Метохиту, императору Феодору II Ласкарю, неоплатонической и даже конфуцианской (Китай) традициям.

В диалоге Чужестранца (*Forastiero*) и Неаполитанца (*Cittadino*) первый собеседник говорит, что, по его предположению, его визави (т. е. Неаполитанец) в понятие «неаполитанского народа» (*popolo napoletano*) включает только знатные фамилии

³⁷ Теорию логосов Метохит воспринял, скорее всего, от Филона. Ср.: Πολέμης Γ. Δ. Ἡ ἠδονὴ τῆς θεωρίας τῶν ὄντων στὸν Θεόδωρο Μετοχίτη. Ἐπιδράσεις τοῦ Φίλωνος τοῦ Ἰουδαίου καὶ τοῦ Συνεσίου τοῦ Κυρηναίου στὸν Ἠθικό // Ἑλληνικά. 1999. Τ. 49/2. Σ. 245–275.

³⁸ Так, в течение XIII в. стало популярным обозначение всей массы верующих римско-католической церкви как «мистического тела». Это «тело» отождествлялось с «политическим телом» жителей того или иного государства (например, Великобритании). См. прежде всего: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегиной. М., 2014. С. 304–320.

(нобилей), исключая простой народ (*il popolo*)³⁹. На это Неаполитанец (а Неаполь в ту пору – в 1634 г. – играл роль, в чем-то сопоставимую с Константинополем в XIV–XV вв.) отвечает, что *il popolo* проникает и в знатные фамилии, и даже «с прерогативой вхождения в *аристократическое правление*» (р. 777), «а наше я считаю именно таковым – и оно может быть правлением *лучших людей из народа* (*i migliori del popolo*)». И тут же добавляет: «Более того, это я и считаю *подлинной аристократией* (*vera aristocratia*) – когда вам сопутствует *согласие* (*la concordia*), которое должным образом поддерживает *общественный порядок* (*lo stato publico*)» (Ibid.).

Так и согласно Метохиту, за это отвечает как раз аристократия (ПЗ 98: р. 634.6–11. М. – К.). Под упомянутыми в тексте разными индивидами могут предполагаться представители как простого народа, так и аристократии.

Согласно же Феодору II Ласкарю, за порядок в войске во время кампании отвечает император, который в походах «выносит [не только] зловоние, но и нестерпимую неупорядоченность множества [солдат], чтобы привести [их] к *порядку* [, основанному на] некой *осмысленности* (τὴν τῶν πολλῶν ἀταξίαν τὴν ἄστέκτων, ἵνα δὴ πρὸς τάξιν ἄξι τινὸς λογικότητος)»⁴⁰. Ничего удивительного: император – вершина пирамиды общественного устройства, помазанник Логоса – Слова Божия, вносящий осмысленность в мир, полный хаоса⁴¹.

По Капаччо же, имя народа усваивается «всему объединенному *городу в целом*» (р. 777). Вслед за чем автор, подчеркивая, что и в римские времена «именем народа охватывались все жители города» (р. 778), совершенно в духе Метохита, т. е. с аристократической позиции, негативно отзывается о демо-

³⁹ Forastiero. Dialoghi di *Giulio Cesare Capaccio*, accademico otioso... [Napoli, 1634.] P. 777. См. также: https://www.memofonte.it/home/files/pdf/guide_capaccio.pdf (date of access: 04.06.2024). Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи, с указанием в скобках номера страницы.

⁴⁰ *Agapitos P., Angelov D. Six Essays by Theodore II Laskaris in Vindobonensis Phil. Gr. 321: Edition, Translation, Analysis // JÖB. 2018. Bd. 68. S. 46.17–18.*

⁴¹ Это одна из констант политического самосознания византийцев. Ср., к примеру, о тождественном понимании функции императора у Сократа Схоластика: *Krivushin I. V. Socrates Scholasticus' Church History... P. 97–99, 106–107.*

кратии. По его словам, в республиках народ был «абсолютным господином (*padrone assoluto*). Однако его правление было безрассудным (*Ma l'ebbero per dominio insolente*), заключаясь буквально в том, чтобы вложить меч в руку того, кто неистовствует (*del furioso*⁴²); [так и] получалось, что то согласие народа, о котором идет речь, как правило, жило от случая к случаю (*essendo che questa raunanza popolare suol vivere a caso*), а особенно – когда ниспускалось до охлократии, которая в большинстве случаев наиболее далека от всякого знания (*massime quando cala giù all'oclocratia, che ordinariamente è scarsissima di sapere*)» (р. 778).

Однако понятие «народ» (*popolo*) в Древнем Риме, строго говоря, относилось к тем, кто, противопоставляя себя патрициям, обладал годовым доходом менее 40 тыс. сестерциев (р. 779). Но в ответ на учтливую реплику Чужестранца Неаполитанец, впрочем, продолжает, что не все так просто и «народ» – понятие неоднозначное: «Вашим должником остается *неаполитанский народ* (*il popolo napoletano*), потому что *на самом деле народ давал почувствовать свое великое достоинство*, когда стремился к тому, чтобы плебейские трибуны стали патрициями (*in vero gran dignità si vidde nel popolo, quando impetrò che i tribuni della plebe fussero patricii*), и обладал огромным авторитетом в делах священных, в [вопросах, связанных с] курульными (колесничными) магистратами, консулатом, диктатурой [и прочих] – вплоть до заключения браков между патрициями и плебеями» (р. 780).

Перед нами, стало быть, два варианта развития римской идеи: условно говоря, полагающий единство социума в императоре и аристократии, как у Феодора II и Метохита, и приближающийся к идее народного представительства, причем второй из них – вариант Капаччо – несколько более благоволит к понятию единства народа. Однако и Метохит, пусть и редко, буквально единожды, но все же упоминает проблему гармонизации и стабилизации общественно-политической системы (ПЗ 98: р. 634.6–11. М. – К.). В отличие, скажем, от его оппонента по литературно-эстетической полемике Никифора

⁴² Возможная отсылка к заглавию поэмы Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд» (*Orlando furioso*; 1516) и к самой поэме.

Хумна⁴³, им действительно движет стремление возвыситься над простыми людьми.

Бывший ученик Метохита св. Григорий Палама, судя по его Первой гомилии и по собранию гомилий в целом⁴⁴, действительно оказывается – благодаря своему исихастскому подвигу и архипастырскому служению – гораздо демократичнее; но это также еще не либерализм в смысле Локка или Монтескье, а средневековая система мысли, из английских философов с которой сопоставимы прежде всего воззрения Гоббса в «Левиафане».

Уровень исторических знаний Капаччо – старшего современника Льва Алляция (1586–1669) и Дени Пето (Петавия, 1583–1652) – в XVII в., в эпоху, когда уже сформировалась античная археология и начатки искусствоведения (вспомним «Иконологию» Чезаре Рипы⁴⁵), действительно выше, чем у Метохита.

Упреки Е. де Врис-ван дер Вельден относительно того, что великий логофет империи «не дорос» до свободлюбивых

⁴³ Вопрос о литературно-эстетической полемике Метохита и Хумна получил новое освещение в трудах Я. Полемиса и особенно А. Риле; см.: *Polemis I. D. Theodore Metochites*. P. 67–69, 71, 91; *Riehle A. Literature, Politics and Manuscripts in Early Palaiologan Byzantium: Towards a Reassessment of the Choumnos–Metochites Controversy // Le monde byzantin du XIIIe au XVe siècle: anciennes ou nouvelles formes d'impérialité / éd. M.-H. Blanchet, R. Estangüi Gómez. Paris, 2021. P. 592, 599, 601–603. Действительно, стиль Метохита по своей затемненности, уникальной для всей поздневизантийской поэзии, может быть уподоблен стилю Луиса де Гонгоры (1561–1627) в поэзии испанской; о трудности и искусственности лексики и стиливых приемов Метохита-поэта с некоторым недоумением говорит и такой крупнейший знаток нашего автора, как Марчелло Джиганте. См.: *Gigante M. Il ciclo delle poesie inedite di Teodoro Metochites a se stesso o sull' instabilità della vita // Polychordia. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / bes. von P. Wirth. Amsterdam, 1967. P. 204, 209. Сам Хумн провозглашает в более раннем варианте своей 27-й речи «О литературной критике и композиции», с публикации которой автором и начался спор с Метохитом (этот вариант остался неизвестным И. И. Шевченко): «Но главным и определяющим [из всех занятий] должно быть стремление к [достижению] ясности и чистоты [слога] (τὸ σαφές καὶ τὸ καθαρόν) и [неуклонное] сосредоточение [на этой цели]» (*Riehle A. Literature, Politics...* P. 618.60–61; cf.: P. 622.128–136).**

⁴⁴ *Горянов Б. Т. Первая гомилия Григория Паламы, как источник по истории восстания зилотов // ВВ. 1947. Т. 1(26). С. 261–266; Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981. С. 23–24; Макаров Д. И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003. С. 373–380, 383–392.*

⁴⁵ *Демидова М. «Иконология» Чезаре Рипы: атлас памяти и манифест идеалиста // Искусствознание. 2020. № 3. С. 82–121.*

мыслей Монтескье («О духе законов», XIX, 2), таким образом, в равной степени приложимы и к Капаччо, а не только к Метохиту⁴⁶. Очевидно, что оба автора – позднесредневековый (но стоящий на грани Ренессанса) византийский и барочный итальянский – принадлежат к одному обширному течению аристократической политической мысли, в котором уже начало выкристаллизовываться понятие «народ», но которому было еще далеко до Руссо, Вольтера, Джефферсона и «Всеобщей декларации прав человека и гражданина». Поэтому сопоставление идей Метохита и Монтескье, не будучи столь уж неверным методологически, все-таки ошибочно по сути, ибо смешивает между собой разные пласты духовной и интеллектуальной жизни: ренессансно-раннебарочный (XIV–XVII вв.) и буржуазно-просвещенческий (XVIII – середина XIX в.).

Что же касается упрека, который можно было бы адресовать автору настоящей работы (относительно необходимости более четкой дифференциации категорий «аристократия» и «народ» в наследии Метохита, Капаччо и сходных с ними по духу мыслителей), то можно сослаться на общефилософскую максиму неоплатонического происхождения, выраженную императором Феодором II Ласкарем: «...вещи (*τὰ πράγματα*) приходят в бытие, пребывают в бытии и сохраняют своеобразие собственной природы благодаря энтелехии и различию (*διαρέσει*). Так что велика высота энтелехии и различия. Ибо они – сестры навек, и где пребывает одно, там нераздельно и другое»⁴⁷.

Если аристократия – энтелехия народа (в чем согласны не только оба наших автора, но и гораздо более широкий круг мыслителей), то сам народ как более обширная категория должен так или иначе отличаться от нее. И эта мысль о единстве-в-различии в ренессансную и раннебарочную эпохи была понятна ведущим политическим теоретикам. Неоплатонизм же XIII в., более общий и не столь дифференцированный в своих философских устремлениях, предоставлял этим теоретикам (наряду с классическими, ранне- и средневизантийскими авторами) необходимый

⁴⁶ *De Vries-van der Velden E.* Théodore Métochite. P. 207, n. 10.

⁴⁷ *Agapitos P., Angelov D.* Six Essays... S. 40.25–27. К тем «мудрым мужам», к которым обращается автор (S. 40.32), можно причислить и Феодора Метохита с Джулио Капаччо.

мыслительный аппарат для осмысления различных сторон сотворенной реальности.

Общество должно стремиться к подобию музыкальной гармонии: Феодор Метохит и древнекитайские «Записи о музыке»

Не было бы ничего несправедливее такой уравнилельной системы, уверяет нас Метохит, когда между всеми обитателями государства (т. е. теми, кого мы сегодня именуем гражданами) утверждается равенство и равночестность, невзирая на различия (ПЗ 98: р. 633.4–12. М. – К.). В самом деле, как в музыке мелодия рождается из суммы «тональностей в струнах» (τῶν ἐν ταῖς χορδαῖς φθόγγων) (ПЗ 98: р. 633.15. М. – К.) разной высоты, причем их высоты отличаются друг от друга по шкале, малопомалу, а не резко и грубо (ПЗ 98: р. 633.12–634.1. М. – К.), так что благозвучие и должно, в конечном счете, складываться именно из дисгармоничных звуков (ПЗ 98: р. 634.1–6. М. – К.), так и общественная гармония достигается благодаря равновесию противоположностей.

У этой модели общественного развития исключительно давние истоки, отнюдь не только пифагорейско-индоевропейские. Действительно, уже в «Записях [о] музыке», т. е. в 37-й главе древнекитайского трактата «Юэ цзи» («Записи о ритуале», I в. до н. э.), слово «тональность» выступает ведущим музыкально-теоретическим термином и употребляется четыре раза (судя по русскому переводу Н. П. Мартыненко)⁴⁸. Поскольку музыка в сумме своих тональностей исходит из сердца, постольку с ее помощью возможно согласовать «тональность звучания голосов [народа]» (с. 174), т. е. привести народ к единству, гармонии и миру. Чувства людей, откликаясь на внешние воздействия, «превращаются в [музыкальные] символы» (Там же). Эта мысль близко подходит к известному месту из начала трактата Аристотеля «Об истолковании» о словах как символах внутренних дви-

⁴⁸ Записи [о] музыке (*Юэ цзи*) / пер. с древнекит. Н. П. Мартыненко: Мартыненко Н. П. Понимание «музыки» в раннем конфуцианстве согласно тексту «Юэ цзи» – «Записи о музыке» // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 171–175, перевод источника на с. 174–175. Далее ссылки на это издание в тексте, с указанием номера страницы.

жений души⁴⁹. «Нужно тщательно вникать в музыку, – заключает древнекитайский автор, – чтобы разбираться в [искусстве] управления государством» (с. 175).

Будучи стадийно и типологически соответствующим Аристотелю, высказанное здесь учение близко подходит и к социально-политической программе Метохита. Помимо прочего, на сходство позиций китайского и византийского авторов влияла, видимо, и общая – во многом схожая – практика управления большими империями с характерными для них обширными скоплениями людей. Это отмечает и переводчик трактата: «Музыка (в Древнем Китае. – Д. М.) превратилась в масштабный полноправный государственный институт, целью которого стало заботливое отношение к культурной политике и гармонизации нравов населения китайских империй»⁵⁰. Отсюда и универсализм, преодолевающий полисные или местнические рамки.

Перенося принципы античного (неоолифагорейского) и (как выясняется) конфуцианского теоретического музыкознания на анализ социально-политической системы и базовых начал ее функционирования, Метохит формулирует то, что можно назвать *золотым правилом* византийской политической теории: «Стало быть, верно то, что и среди людей точно так же не будет ни *гармонии* совместного проживания, ни *общественного согласия* (συμφωνία κοινωική), ни *слаженно и гармонично / музыкально функционирующей политической системы* (ἔμμελῶς καὶ μουσικῶς ἔχουσα πολιτεία), раз уж [эта система] не разделена и не структурирована (μὴ... κατατετημένῃ) характерными [для различных индивидов] *градациями* [общественно полезных] навыков (βαθμοῖς οἰκείους τῶν ἔξεων)» (ПЗ 98: р. 634.6–11. М. – К.).

Примечательно, что те градации, о которых идет речь, скорее всего, могли соответствовать (в восприятии Феодора) градациям *природ*, представленных данными индивидуумами.

Здесь мало сказать об имевшем место влиянии тривиума и квадривиума (включавшего в себя изучение музыки), равно как

⁴⁹ Ἔστι μὲν οὖν τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα... (Aristotelis Liber de interpretatione / Aristotelis Categoriae et Liber de interpretatione / ed. L. Minio-Paluello. Oxonii, 1961. P. 49.3–4).

⁵⁰ Мартыненко Н. П. Понимание «музыки»... С. 174.

и астрономических интересов Метохита (начиная с 1310-х гг.⁵¹) на его зрелую политическую теорию. Важно увязывание Феодором соответствующей проблематики с центральным и базовым для греческой культуры (как показали А. Ф. Лосев, А.-Ж. Фестюжьер, Х. Субири и другие ученые и мыслители) и, похоже, лично для него мифом о пещере и выходе из нее – к созерцанию Единого.

Что есть гармония? – «Ведь *гармония* – это некое сущее [поистине] (τῷ ὄντι) и [сущее] в политике⁵² *соглашение, упорядоченное правление и упорядоченность* [как таковая] (τὸ πολιτικὸν σύνθημα τε καὶ σύστημα καὶ σύνταγμα), что слагается из различных *эйдосов / форм*, но сводится в [нечто] *единое* (εἰς ἓν)⁵³, [к единому] направляется и поддерживается [в состоянии единства] (καὶ διοικεῖται καὶ συντίθεται)» (ПЗ 98: р. 634.12–15. М. – К.).

Учитывая, что, по Аристотелю, душа – *форма* и энтелехия тела (Arist. De anima, II, 412a 20–22. 25–30), все так и оказывается. Поэтому путь к гармонии политики начинается с гармонии души в самой себе – и с другими душами, строительство макрокосма – с созидания и упорядочения микрокосма. Собственно, с целью донесения только что озвученных мыслей до современников мыслителя и были написаны «Памятные заметки». По словам М. Джиганте, «составляя “Памятные заметки”, автор стремился создать для себя и своих современников *путеводитель по духовной культуре*: не просто святилище античной мудрости, но актуальный [в использовании] *инструмент практической философии, пособие по аристократической этике*, которое позволило бы *élite* вести себя сообразно со своей ролью господствующего класса, отличного от необразованной и неупорядоченной толпы»⁵⁴.

⁵¹ Метохит стал заниматься астрономией в частном порядке у себя дома с Мануилом Вриеннием с 1313 г. и уже к 1317 г. оказался способен предсказывать солнечные и лунные затмения, что вызывало зависть коллег. Тогда же (около 1317 г.) было написано и «Введение в астрономию». См. один из лучших обзоров: *Hinterberger M. Studien zu Theodoros Metochites. S. 306–313.*

⁵² Вспомним мысли Феодора о политическом как части онтологического (Макаров Д. И. От созерцания Единого... С. 376–388).

⁵³ Это единое политики выступает подобием трансцендентного Единого.

⁵⁴ *Gigante M. Il ciclo... P. 205–206.*

Это образцовое культурологическое суждение, достойное вхождения в учебники. По сути, в XX в. именно итальянский ученый совершил, вслед за Г.-Г. Бекон, прорыв в том, что касается глубинного гуманистического истолкования творчества Метохита. Однако роль ментора далась Метохиту нелегко. М. Джиганте продолжает, на наш взгляд, весьма точным образом описывать обуревавшую Феодора в процессе работы над ПЗ борьбу эмоций, самих по себе разнородных, и интеллекта: «Эмоции, вызванные трагической реальностью, [у Метохита] разбавлены, ослаблены, искажены в процессе рассуждения, совершенно непримиримым образом пронизаны резонерством, – переходя из состояния непосредственности к своего рода окаменению и превращению в мертвую букву (*ad una letteratizzazione*)»⁵⁵. «Интеллектуальность, – по словам итальянского византиниста, – по большей части умерщвляет фантазию... в массе своей умерщвляет душу»⁵⁶. И здесь к проницательному суждению ученого необходимо со всей отчетливостью добавить: и догматическое самосознание. Обобщая сказанное, заметим: даже если Метохит и не думал всерьез – на уровне чистого интеллекта – оспаривать учение Библии о единстве природы всех потомков Адама, временами, в минуту уныния, на уровне подспудно варьирующегося чувства жизни, в его дух закрадывались представления о трагической дробности человеческого рода. В то же время, если посмотреть на эту мысль рационально (хотя бы сегодняшними глазами историка, живущего в XXI в.), то нетрудно увидеть, что она коррелирует как с транслируемыми Феодором II Ласкарем положениями позднеантичного неоплатонизма, так и с позднесредневековыми, ренессансными и барочными спорами вокруг понятий «народ», «лучшие люди» и «элита». Спорами, в разных вариациях отразившимися в произведениях столь различных, но в плане политической теории кое в чем и схожих между собой интеллектуалов XIV–XVII вв., как Джулио Капаччо и Феодор Метохит.

⁵⁵ *Gigante M. Il ciclo...* P. 222.

⁵⁶ *Ibid.* Ср.: «Та же неумеренность содержания и стиля позволяет читателю застать Метохита в переплетении его помышлений, в промежуточном состоянии между искренними поисками мира и самосознанием, исполненным гордости, между смирением и гордыней, в борьбе между Богом и сатаной, между *жаждой святости* и сословными предрассудками» (*Ibid.* P. 224). Стремясь душой, с одной стороны, к единству с народом, наш автор в то же время уже самой своей писательской манерой отдаляет себя от него.

REFERENCES

- Agapitos, P., & Angelov, D. (2018). Six Essays by Theodore II Laskaris in Vindobonensis Phil. Gr. 321: Edition, Translation, Analysis. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 68, 39–75.
- Beck, H.-G. (1952). *Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert*. München: C. H. Beck.
- Bekker, I. (Ed.). (1831). Aristotelis De anima. In I. Bekker (Ed.). *Aristotelis Opera* (Vol. 1, pp. 402–435). Berolini: Apud Georgium Reimerum.
- Burnet, I. (Ed.). (1899). Plato. Polyticus. In I. Burnet (Ed.), *Platonis Opera* (t. 1, pp. 257–311). Oxonii: E typographeo Clarendoniano; Londini et Novi Eboraci: Apud Henricum Frowde.
- Burnet, I. (Ed.). (1907). Plato. Protagoras. In I. Burnet (Ed.), *Platonis Opera*. (t. 3, pp. 309–362). Oxonii: E typographeo Clarendoniano; Londini et Novi Eboraci: Apud Henricum Frowde.
- Buzina, T. V. (2011). *Samoobozhenie v evropeiskoi kul'ture* [The Deification of Self in European Culture]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Capaccio, G. C. (1634). *Forastiero. Dialoghi di Giulio Cesare Capaccio, accademico otioso...* Napoli: Per Domenico Roncagliolo.
- Castelli, T. (Ed.). (2024). Lubrano Giacomo. IX. Il Baco da seta. In T. Castelli (Ed.), *Lirici marinisti. Poesie. Edizione ampliata e aggiornata*. Napoli: [s. n.]. URL: https://www.academia.edu/106227279/Tommaso_Castelli_Lirici_marinisti_Ampliata_e_aggiornata_2024 (date of access: 12.01.2024).
- Cresci, L. R. (1997). Note critiche sul saggio 67 degli Hypomnematismoi di Teodoro Metochita. *Orpheus. Rivista di umanità classica e cristiana*, 18(2), 420–434.
- Daley, B. E. (Ed.). (2017). Leontius Byzantinus. Contra Nestorianos et Eutythianos. In B. E. Daley (Ed.), *Leontius of Byzantium. Complete Works* (pp. 116–265). Oxford: Oxford University Press.
- Demidova, M. (2020). “Iconologia” Cesare Ripy: atlas pamiaty i manifest idealista [Cesare Ripa’s *Iconology* as an Atlas of Memory and as a Manifesto of an Idealist]. *Iskusstvoznanie*, 3, 82–121.
- De Vries-van der Velden, E. (1987). *Théodore Métochite. Une réévaluation*. Amsterdam: J. C. Gieben.
- Gigante, M. (1967). Il ciclo delle poesie inedite di Teodoro Metochites a se stesso o sull’ instabilità della vita. In P. Wirth (Ed.), *Polychordia. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag* (pp. 204–224). Amsterdam: Adolf M. Hackert.
- Goryanov, B. T. (1947). Pervaia gomiliia Grigoriia Palamy, kak istochnik po istorii vosstaniia zilotov [St. Gregory Palamas’ First Homily as a Source on the Zealot Uprising]. *Vizantiiskii vremennik*, 1(26), 261–266.
- Grégoire, H. (1936). Un nouveau fragment du “Scriptor incertus de Leone Armenio”. *Byzantion*, 11, 417–427.
- Guinterij, I. (Ed.). (1567). *Pauli Aeginetae Medici Opera*. Lugduni: Apud Guliel. Rovillium, sub scuto veneto.
- Hinterberger, M. (2001). Studien zu Theodoros Metochites. Gedicht I – Des Meeres und des Lebens Wellen – Die Angst vor dem Neid – Die autobiographischen Texte – Sprache. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 51, 285–319.

Hunger, H., & Ševčenko, I. (Eds.). (1986). *Des Nikephoros Blemmydes Basilikos Andrias und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaotes. Ein weiterer Beitrag zum Verständnis der byzantinischen Schrift-Koine*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Kantorowicz, E. H. (2014). *Dva tela korolia. Issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii* [King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology] (M. A. Boitsov, & A. Yu. Seregina, Trans.). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

Khoruzhiy, S. S. (2012). Vizual'nyi opyt v ego otnoshenii k isihastskoi praktike [Visual Experience in Its Relation towards Hesychast Practice]. In S. S. Khoruzhiy, *Issledovaniia po isihastskoi traditsii* [Studies in the Hesychast Tradition] (Vol. 2: *Mnogogranniye mir isihazma* [The Multi-Faceted World of Hesychasm], pp. 124–156). St Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii.

Krivushin, I. V. (1996). Socrates Scholasticus' Church History: Themes, Ideas, Heroes. *Byzantinische Forschungen*, 23, 95–107.

Laurent, V. (1929). Un polémiste grec de la fin du XIIIe siècle. La vie et les oeuvres de George Moschabar. *Echos d'Orient*, 28(2), 129–158.

Makarov, D. I. (2003). *Antropologiya i kosmologiya sv. Grigoriia Palamy (na primere gomilii)* [Anthropology and Cosmology of St Gregory Palamas as Seen in his Homilies]. St Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.

Makarov, D. I. (2017). *Palamizm do sviatitelia Grigoriia Palamy, spor o Filioque i primat papy v vizantiiskoi ekkleziologii XII–XIV vv.: nekotorye nabludeniiia* [Palamism before St Gregory Palamas, the Filioque Debate, and the Primacy of Pope in the Byzantine Ecclesiology from the Twelfth to the Fourteenth Centuries: Some Considerations]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ekaterinburgskoi mitropolii.

Makarov, D. I. (2019a). Ot mariologii do triteizma: o vozmozhnykh pozdnevizantiiskikh paralleliakh k ideiam Leontiiia Vizantiiskogo i Ioanna Filopona (Feofan Nikeiskii, Ioann XI Vekk, Georgii Moshambar). Chast' pervaya [From Mariology to Tritheism. On Some Possible Late Byzantine Parallels to Leontius' of Byzantium and John Philoponus' Ideas in Theophanes of Nicaea, John XI Veccus, and George Moschambar. Part One]. *Bibliia i khristianskaia drevnost'*, 3(3), 140–174.

Makarov, D. I. (2019b). Ot mariologii do triteizma: o vozmozhnykh pozdnevizantiiskikh paralleliakh k ideiam Leontiiia Vizantiiskogo i Ioanna Filopona (Feofan Nikeiskii, Ioann XI Vekk, Georgii Moshambar). Chast' vtoraya [From Mariology to Tritheism. On Some Possible Late Byzantine Parallels to Leontius' of Byzantium and John Philoponus' Ideas in Theophanes of Nicaea, John XI Veccus, and George Moschambar. Part Two]. *Bibliia i khristianskaia drevnost'*, 4(4), 77–102.

Makarov, D. I. (Ed. & Trans.). (2020). *Feodor Metokhit. Slovo o npravstvennykh problemakh, ili Ob obrazovannosti* [Theodore Metochites. On Morals, or On Education]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Makarov, D. I. (2021). Elementy teorii kommunikatsii v “Pamiatnykh zametkakh” Feodora Metokhita (gl. 1–26; 71) [Some Elements of Communication Theory in Theodore Metochites' Sententious Notes (Chs. 1–26; 71)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 254–276. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.017>

Makarov, D. I. (2022). O nekotorykh chertakh ponimaniia prirody u Feodora Metokhita i Al'berta Velikogo: k voprosu ob elementakh skholastki v vizantiiskoi mysli [On Some Traits in Understanding of Nature in Theodore Metochites and

Albert the Great: A Contribution to the Problem of Scholastic Elements in Byzantine Thought]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 37, 24–30.

Makarov, D. I. (2023). Ot sozertsaniia Edinogo do ontologii politiki: uchenie o edinomyслиi v “Pamiatnyh zametkakh” Feodora Metokhita (gl. 67–72) [From the Contemplation of the One to the Ontology of Politics: The Doctrine of Unanimity in Theodore Metochites’ Sententious Notes, Chs. 67 to 72]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka*, 51, 374–392. <https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.021>

Martynenko, N. P. (2020). Ponimanie “muzyki” v rannem konfutsianstve soglasno tekstu “Yue Ji” – “Zapisi o muzyke” [Understanding of “Music” in Early Confucianism according to *Yue Ji – Records of Music*]. *Voprosy filosofii*, 7, 171–175.

Medvedev, I. P. (1997). *Vizantiiskii gumanizm XIV–XV vv.* [Byzantine Humanism of the Fourteenth and Fifteenth Centuries]. St Petersburg: Aletheia.

Migne, J.-P. (Ed.). (1863). Joannis Vecci CP. Patriarchae De unione Ecclesiarum veteris et novae Romae... In J.-P. Migne (Ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca* (Vol. 141, col. 15A–158A). Paris: Migne.

Minio-Paluello, L. (Ed.) (1961). Aristotelis Liber de interpretatione. In L. Minio-Paluello (Ed.), *Aristotelis Categoriae et Liber de interpretatione* (pp. 49–72). Oxonii: E typographeo Clarendoniano.

Moniou, D. I. (2011). *Georgios Moschampar. Enas anthenotikos theologos tes proimes palaiogeias periodou. Bios kai ergo* [George Moschambar: A Theological Opponent of the Union from the Early Palaiologan Period. His Life and Work]. Athens: P. Kyriakides.

Müller, M. Ch. G., & Kiessling, M. Th. (Eds.). (1821). *Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica Graece*. Lipsiae: Sumtibus F. C. G. Vogelii.

Munteanu, C. (2013–2014). On the Real Object of Linguistics. *Energeia*, 5, 43–56.

Perler, D. (2016). *Teorii intentsional’nosti v Srednie veka* [Theories of Intentionality in the Middle Ages]. Moscow: Delo.

Polemis, I. D. (1999). He hedone tes theorias ton onton ston Theodoro Metochite. Epidraseis tou Philonos tou Ioudaiou kai tou Synesiou tou Kyrenaiou ston Ethiko [The Pleasure of Contemplating the Beings in Theodore Metochites. The Influences of Philo the Jew and of Synesios of Cyrene]. *Hellenika*, 49(2), 245–275.

Polemis, I. D. (2024). *Theodore Metochites. Patterns of Self-Representation in Fourteenth-Century Byzantium*. London; New York: I. B. Tauris.

Poljakovskaja, M. A. (1981). *Obshchestvenno-politicheskaia mysl’ Vizantii (40–60-e gg. XIV v.)* [Byzantine Social and Political Thought, 1340s–1360s]. Sverdlovsk: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (Ed., Trans.). (1998). Dimitrios Kidonis. Slovo o prenebrezhenii k smerti [Demetrios Cydones. On Despising Death]. In M. A. Poljakovskaja, *Portrety vizantiiskih intellektualov. Tri ocherka* [Figures of the Byzantine Intellectuals. Three Essays] (pp. 283–319). St Petersburg: Aletheia.

Poljakovskaja, M. A., & Chekalova, A. A. (2003). Intellektualy i vlast’ v Vizantii [Intellectuals and Power in Byzantium]. In M. A. Poljakovskaja, *Vizantia, vizantiitsy, vizantinisty* [Byzantium, the Byzantines, and Byzantologists] (pp. 109–132). Ekaterinburg: Ural University Press.

Д. И. Макаров

Riehle, A. (2021). Literature, Politics and Manuscripts in Early Palaiologan Byzantium: Towards a Reassessment of the Choumnos–Metochites Controversy. In M.-H. Blanchet, & R. Estangüi Gómez (Eds.), *Le monde byzantin du XIIIe au XVe siècle: anciennes ou nouvelles formes d'impérialité* (pp. 591–623). Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance.

Ryashko, L. S. (Ed., Trans.) (2003). Nikifor Vlemmid. Tsarskaia statuia [Nikephoros Blemmydes. The Statue of Basileus]. *Vizantiiskii vremennik*, 62(87), 283–321.

Sciascia, L. (1982). Egipetskaia khartiia [Il Consiglio d' Egitto]. In C. Kin (Ed., Trans.), Sciascia Leonardo. *Vinnogo tsveta more. Romany, povesti, rasskazy [Il mare colore del vino. Romances & Stories]* (pp. 5–124). Moscow: Progress.

Van Deun, P. (2001). Une collection inconnue de questions et réponses traitant du trithéisme: étude et édition. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 51, 105–111.

Xenophontos, S. (2018). The Byzantine Plutarch: Self-identity and Model in Theodore Metochites' Essay 71 of the Semeioseis gnomikai. In J. North, & P. Mack (Eds.), *The Afterlife of Plutarch* (pp. 23–39). London: University of London.

Макаров Дмитрий Игоревич

доктор философских наук

¹ профессор кафедры истории

Древнего мира и Средних веков

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

² ведущий научный сотрудник

Социологический институт РАН,

филиал Федерального научно-

исследовательского социологического

центра РАН

190005, Санкт-Петербург,

ул. 7-я Красноармейская, 25/14

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

Makarov, Dmitrii Igorevich

Dr. Hab. (Philosophy)

¹ Professor, Ancient and Mediaeval History

Department

Ural Federal University

51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000, Russia

² Leading Researcher

Sociological Institute, Branch of the Federal

Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences

25/14 7th Krasnoarmeiskaia St,

St Petersburg, 190005, Russia

Email: dimitri.makarov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

WoS ResearcherID: G-7126-2019